

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Дмитров в 1930-40-е годы в воспоминаниях его жителей

Предисловие

Сборник «Голоса из прошлого» с воспоминаниями жителей города Дмитрова о 30-40-х годах XX века был подготовлен более 10 лет назад. С тех пор краеведческая литература пополнилась новыми изданиями о жизни Дмитрова в этот период, но собранные когда-то воспоминания не потеряли своего значения. Его авторы – Елена Владимировна Трубецкая (урожд. Голицына), Анастасия Акимовна Дугина и Леонид Федорович Григорьев.

Их бесхитростные рассказы рисуют живую картину бытия тех лет, приближающую нас к пониманию того времени, в котором жили наши «герои».

Семья Владимира Голицына и Елены Петровны с детьми. Дмитров. 1930-е годы.

Помещая в сборник воспоминания Е.В. Трубецкой, надо отметить особую роль, которую сыграли Голицыны в истории Дмитрова. В 1931 году, гонимая советской властью, семья Голицыных поселилась в нашем городе на два десятилетия. Жизнь в Дмитрове для них была сопряжена со страхом и ожиданием дальнейших репрессий, тяжелым материальным положением. Главой семьи стал художник-самоучка Владимир Голицын. Чтобы прокормить многочисленную семью, он постоянно искал и брал заказы на иллюстрации в московских журналах, сотрудничал с Дмитровским музеем. Несмотря на все трудности, в нем не угасал природный оптимизм, жизнелюбие, источником

которого была большая любовь к жене Елене и детям.

В семье Голицыных все писали: эта традиция передавалась от поколения к поколению. Благодаря привычке писать дневники, воспоминания, мы сейчас имеем серию мемуаров и книг, многие главы которых посвящены дмитровскому периоду жизни Голицыных. Это, в первую очередь, сборник «Владимир Голицын. Страницы жизни художника, изобретателя и моряка» (1973), «Записки уцелевшего» (1990) Сергея Голицына, книги Владимира Голицына «...Я ушиблен морем» (2015) и Михаила Голицына «Мозаика моей жизни» (2008).

В сборнике «...Я ушиблен морем» представлено всё творческое наследие художника: дневники, письма художника и воспоминания о нем. Страницы дневника повествуют не только о повседневной жизни художника и его семьи, но и передают атмосферу, в которой жили дмитровцы в 1930-е годы и до момента ареста Владимира Голицына в октябре 1941 года. Так, 27 июня 1934 года он записывает: «Сегодня встал в шесть часов. Утро пасмурное, моросит мелкий дождичек. Поют петухи. До чего же Дмитров изменился за эти годы. Канал и лагерь его поглотили. На улице только и видно, что заключенные, идущие на работу или с работы. Зеленые штаны и рубашки, черные куртки. Некоторые партии проходят все в фартуках, другие с лопатами».¹

«Дмитровских чудаков» как часть дневниковых записей, можно отнести к самостоятельному произведению. Большая часть чудаков – люди талантливые и незаурядные с трагической судьбой, как и сам художник, который причислил себя к их

¹ Голицын, В.М. ...Я ушиблен морем: дневники, письма художника и воспоминания о нем / В.М. Голицын; [сост. М.В. и А.М. Голицыны]. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2015. – С.47.

числу под номером 13. Возможно, чтобы не податься унынию и сантиментам, Владимир Голицын становится в позицию стороннего наблюдателя, прибегает к сатире и юмору, но не трудно понять, что сочувствие у него на стороне преследуемых, а отношение к действительности полно горечи. Дневниковые записи чудом уцелели благодаря тому, что во время ареста и обыска в доме жена Елена Петровна успела спрятать тетрадь под тумбу письменного стола.

Последняя запись в дневнике от 22 октября осталась незаконченной. Елена Петровна дописывает: «12 часов дня. Пришли двое и опять просили паспорта. Мы сказали, что только вчера проверяли. Тогда они предъявили ордер на арест Владимира». ²

В дневнике В. Голицына отражен начальный период войны. Первая запись: «22 июня. В 9 часов утра включил Берлин. Война! А наши станции передают о силосе. В Германии уже подробности. А у нас передача для детей. Сейчас 11 часов, еще никто в городе не знает, кроме меня. Война. Немцы прут...12.25. Совершилось. Речь Молотова. И так - война. Вторая Отечественная война». ³

И далее идут частые записи событий, с зарисовками увиденного в Дмитрове и Москве, куда он продолжал ездить по работе.

«22 июля. Дмитров сильно изменился за эти дни. В магазинах кроме вина и чая «малинки» ничего нет. За хлебом тысячные очереди. Масса войск. Ночные дежурства. Масса слухов о ловле диверсантов». ⁴

Пишет о беженцах, стадах, бредущих через город, боях и отступлении войск на Западном фронте, бегстве и хаосе в Москве, о слухах ввиду отсутствия достоверной информации.

Интересны записи о соседе по дому С.Я. Нерославском, работнике канала, с которым он обменивался мнениями о политических событиях в мире. С долей сочувствия В. Голицын относится к соседу, который собирается бежать из города и, уезжая, бросает 90-летнюю мать на попечении Голицыных. Этот человек сыграл роковую роль в судьбе художника. Еще в сентябре он написал донос в милицию на В. Голицына, обвинив его в антисоветской деятельности. Получив 5 лет исправительно-трудовой колонии, Владимир Голицын надеялся выжить и вернуться домой, но не смог вынести условий заключения, и умер от пеллагры в Свяжской ИТК 6 февраля 1943 года.

После ареста мужа Елена Петровна стала работать швей-надомницей, дочь Елена пошла работать в детский сад, сына Михаила устроили санитаром в больницу, а младший сын Илларион учился в школе. Всю войну они жили в Дмитрове и стали свидетелями жизни тех лет, нашедшей отражение в дневниках, воспоминаниях, книгах.

Елена Владимировна Трубецкая (1924-2016)

Елена Владимировна родилась 17 марта 1924 года в Москве в семье Владимира Михайловича Голицына и Елены Петровны (урожд. Шереметевой). В 1931 году Голицыны были вынуждены переехать в Дмитров. Здесь семья прожила до 1953 года. Елена Владимировна написала воспоминания о жизни семьи Голицыных в Дмитрове. Они были опубликованы в одном из выпусков Голицынских чтений.

Все дети Владимира Михайловича Голицына после войны получили высшее образование. Михаил стал геологом, Илларион – художником. Елена в 1950 году окончила Московский архитектурный институт (МАРХИ). В 1948 году вышла замуж за Андрея Владимировича Трубецкого, стала многодетной матерью, родив пятерых детей:

² Голицын, В.М. ...Я ушиблен морем: дневники, письма художника и воспоминания о нем / В.М. Голицын; [сост. М.В. и А.М. Голицыны]. – М., 2015. – С.194.

³ Там же. – С.174.

⁴ Там же. - С.177.

Елизавету (1956-1979), Пётра (1958), Михаила (1959), Николая (1961) и Владимира (1964). Удачно складывалась и её профессиональная деятельность. После окончания МАРХИ работала архитектором в г. Орле, с конца 1956 года – в Москве архитектором-реставратором, став специалистом по русской архитектуре XVII века. Более 30 лет занималась в Москве реставрацией храмов и палат XVII века.

В 1978 году Трубецкие приобрели в селе Озерецкое Сергиево-Посадского района избу, приспособив её под дачу. Как архитектор-реставратор Е.В. Трубецкая разработала проект реставрации Никольского храма в с. Озерецком, осуществляла авторский надзор над ходом реставрации. Семья Трубецких вкладывала и собственные средства в восстановление храма, который в 1994 году был передан православной общине. А.В. Трубецкой подарил церкви временный иконостас и несколько икон. В 2013 году вышла книга «Храм Святителя Николая Чудотворца в Озерецком» на средства Николая Андреевича Трубецкого.

Наиболее яркий эпизод в жизни Елены Владимировны, характеризующий её как личность, связан с арестом её мужа. В биографии Андрея Владимировича Трубецкого (1920-2002) было много трагических и порой невероятных событий: репрессии, которыми были повергнуты почти все члены его семьи, плен в 1941 году после тяжелого ранения, далее – освобождение из плена благодаря княжескому титулу, побег в партизанский отряд, арест в 1949 году, осуждение на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, отправка на медные рудники в Джезказган.

Во время ареста мужа в 1949 году Елена Владимировна успела сказать: «Найду тебя, где бы ты ни был, не беспокойся», а клочок бумаги, тайком переданный ему, со словами из Евангелия: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога... в доме Отца моего обителей много», стал для Андрея Владимировичем талисманом.

В 1951 году Елена Владимировна приехала к мужу в лагерь. В то время это было делом неслыханным, что даже огрубевшие в лагере люди сняли шапки при её виде, пытающейся попасть в зону. В автобиографической книге А.В. Трубецкого «Пути неисповедимы» есть глава «Два дня и две ночи в руднике». Это воспоминания Елены Владимировны о её поездке в лагерь.

Елена Владимировна и Андрей Владимирович Трубецкие с детьми

Е.В. Трубецкая была неперенным участником Голицынских чтений в Вяземах. Несмотря на преклонный возраст, она выступала с интересными докладами на чтениях, тематика которых связана с биографиями представителей рода Голицыных и Шереметевых, воспоминаниями о детских и юношеских годах, проведенных в Дмитрове. Елена Владимировна жила в Москве в семье старшего сына Петра. Древо Трубецких разрастается, как и – Голицыных. Старшее поколение оставляет после себя богатое духовное наследие, на котором воспитываются их потомки. Елена

Владимировна всей своей жизненной, гражданской позицией была образцом, достойным подражания и уважения.

Трубецкая Елена Владимировна

**Прифронтовой город Дмитров. Из дневниковых записей
Елены Петровны и Елены Владимировны Голицыных.
Ноябрь 1941 - январь 1942 года**

Елена Голицына

Момент объявления войны 22 июня 1941 года принял на себя отец Владимир Михайлович, услышавший ночью по радио известие, опередившее на несколько часов официальное сообщение.

Как известно, военные события в стране первых месяцев войны разворачивались быстро, противоречиво и страшно.

В Дмитрове было относительно спокойно, поэтому тётушки Голицыны с семьями, решили быть рядом с родителями - Михаилом Владимировичем и Анной Сергеевной. Разместились в соседних домах на Кропоткинской улице, напротив нас и около вала.

Летние школьные каникулы наполнились серьёзной работой.

В старших классах нашей школы объявили ночные дежурства. На чердаке для тушения зажигательных бомб школьники должны были дежурить попарно с преподавателем. Запомнилась одна удивительная ночь, когда мы с нашим физиком А.Н. Егоровым сидели под слуховым окном и смотрели на небо, на мерцающие звезды. Рядом стоял ящик с песком и бочка с водой, куда мы щипцами должны были кидать зажигалки. Александр Николаевич тихим голосом, неторопливо, говорил о звездах, о небе, о великих мастерах, о Рембрандте, о Тициане ... От той ночи навсегда осталось ощущение величия, мироздания и вечности.

Фронт приближался, ввели затемнение, начались воздушные тревоги.

Все храмы закрылись кроме Казанской церкви в Подлипище на горе. С этой горы отец Владимир Михайлович Голицын летом тридцать девятого года рисовал панораму Дмитрова. Так как он начал в начале лета, а кончил осенью, то дали слева зелёные, а справа - желтые.

22 октября 1941 года в 12:00 часов дня отца арестовали, и он с палочкой ушел от нас навсегда.

Мать Елена Петровна стала работать швей-надомницей, шила ватники для фронта. Брат Михаил (15 лет) поступил санитаром в городскую больницу, откуда приносил чего-нибудь поесть. Брат Илларион (13 лет) помогал, чем мог.

А дальше... Дальше сохранились дневниковые ежедневные записи Елены Петровны и Елены Владимировны Голицыных, т.е. подлинные документы того времени, когда Дмитров оказался прифронтовым городом.

Вот краткие выдержки из этих записей:

«27 ноября. Немцы заняли Синьково, 18 км. от Дмитрова. Сказали это по местному радио. В городе паника. Все кто как может, уезжает по деревням со скарбом. Вместо хлеба дают по карточкам пшеницу и рожь. Днём стреляли куда-то за Волжинское из наших дальнобойных орудий с горы в Подлипище, а немцы в это время заняли Яхрому. Поезда перестали ходить. Спали одетыми...

29 ноября. Ночью проснулись от жуткого удара, дом сотрясся. Бабушка Анна Сергеевна сказала "Теперь пора идти в убежище" - (напротив, в подвал, где жила семья Веселовских), Но мы не пошли и опять заснули. Это был нашими взорван мост через канал... Утром пошли на площадь за хлебом. Ничего и никого не было. Магазины ночью разграбили, пшеницу растащили, аптеку и игрушечный - тоже... Военные предлагали выбирать, что хотите из оставшихся ценностей в аптеке. Набрали тюбики коровьего вазелина, которые потом меняли на молоко и ещё глицерин - вместо сахара.

На лесенке магазина военный показывал нам в бинокль немецкие танки за каналом, на Волжинской горе. На площади поставили ещё две пушки.

1 декабря. Второй день стоим за рожью и не можем получить. Жуткая погода, метель, ветер, поэтому спокойно - мало стреляют, самолёты не летают... Почта, сберкасса и исполком - все уехали...

2 декабря. Вчера в 9 часов вечера вышла на крыльцо и...ахнула. Всё замерло, окаменело и утонуло в лунном сиянии. Небо усыпано звёздами, светло как днём, снег только выпал и искрился, точно фосфорился. Даже не верилось, что немцы всего в трёх километрах от нас за каналом. Тётя Катюша Перцова со всеми детьми взяла санки и пошли кататься на Костинскую горку у вала. Еще издали в морозном воздухе слышны были радостные крики детей. Так было весело, что решили сходить за детьми к Мейнам, которых днём не выпускали гулять из-за стрельбы, и что сейчас нет никакой опасности. Взяли ещё одни санки. Пришел Михаил со своей таратайкой. Все находились в каком-то забвении, пораженные тишиной, красотой и общей веселостью.

3 декабря. Еще одна ночь прошла - пока живы. Бабушка Анна Сергеевна говорит, что ночью была сильная стрельба... Днём начался обстрел города... На площадь поставили более мощные орудия... Очередь разогнали военные, сказали, что стало опасно. Всех детей отправили в бомбоубежище и с ними дедушку Михаила Владимировича... Рожь привезли. Очередь опять установилась по списку третьего дня, но продавщица сидела в бомбоубежище и никак не хотела вылезать, пока не стихнет... Мы немного погрелись дома. Дядя Всеволод прочел нам лекцию, что делать, если над нами разорвётся шрапнель и на нас посыпятся осколки...

Свист снарядов, грохот орудий, руготня: всё сливалось в одно... Нам надо было получить 60 кг ржи... Дяденька какой-то помог вытащить заветный мешок. Подоспел брат Михаил с таратайкой... По дороге он несколько раз падал. Отмучились!

От нашего крыльца хорошо видно на юго-западе громадное зарево, черный силуэт собора вырисовывается на огненно-оранжевом фоне.

4 декабря. С самого утра почти непрерывно летали самолеты и наши, и немецкие... На наш двор залетел осколок шрапнели, брат Илларион его подобрал. Под неприятный гул самолетов мы с дедушкой сидели в столовой и читали по-английски «Айвенго».

Дмитровская школа №1 после взрыва ночью 4 декабря 1941 г.

Ночью - страшный удар, штукатурка посыпалась, электричество не горит. Бомбы попали в нашу школу, где находился военный штаб, в пекарню и ещё куда-то...

На школу было жутко смотреть. Мы встали около входа в собор у колокольни, откуда хорошо было видно... Середина и правый угол представляли груды развалин... Очень стало жаль школу. Собор пострадал несильно... Всё пространство в городском саду, за валом, перелетевшими через вал.

Почти весь день мололи рожь в старинной кофейной мельнице и сеяли через сито...

6 декабря. Все военные из оставшейся половины школы ушли, потому что не было стекла, и жители делали там что хотели, например, разбирали книги из школьной библиотеки. Удалось взять много хороших книг в надежде потом вернуть...

После ужина (по две тарелки горячей каши из отрубей) мать читала вслух рассказы Чехова (из школы), а мы мололи рожь в кофейной мельнице и умирали со смеху.

7 декабря. Всю ночь, оказывается, сильно и много стреляли, по словам бабушки Анны Сергеевны, которая не спала. Мелкие осколки летели на крышу и во двор... Военные после разрушения школы переехали на гору (в Борисоглебский монастырь, где располагалось управление Дмитлага), и вокруг поставили много зениток и пулеметов. В церковь не

пустили священника. Сегодня именины Екатерин. Анна Сергеевна подарила своей младшей дочке - тётё Кате - ржаную лепешку, которую не съела за обедом. Сегодня мороз ещё сильнее - -30. В 12 часов немецкий самолёт, в который усиленно стреляли, сбросил вместо бомб листовки, но мы не достали. Электричество погасло совсем, но мы заводим с утра до вечера патефон, хотя в комнате довольно темно, потому что окна забиты досками снаружи братом Михаилом.

8 декабря. Невероятные слухи. Пришла бабушка Анна Сергеевна из церкви и сказала, что немцев отогнали за Рогачево. Через несколько минут вошел дедушка Михаил Владимирович и говорит, что немцы сидят в инкубаторе на нашем берегу реки Яхромы, за каналом. Первое, наверно, все-таки вернее, потому что ночь совсем не стреляли. Вока Ларионов принес два ящика пластинок, и мы их впотьмах заводили (Вертинский, Козин, танцевальные фокстроты, танго).

9 декабря. Утром увидели, что окна оттаяли. С -27 мороза температура перескочила на +2 тепла. Но переворот произошел не только в погоде: все, кто приходят, все говорят, что немцев отогнали и что будто бы наши взяли назад Харьков, Киев и Орёл... Всё утро непрерывным потоком шли и ехали войска из Загорска на запад.

10 декабря. Вновь открылась баня и парикмахерская. Мать Елена Петровна с братом Михаилом ходили в деревню Ярово (5км) в надежде обменять что-нибудь из вещей на картошку. Но у них ничего не вышло. Военные, которые стояли по деревням, поели всю картошку, кур, гусей и т.д.

Каждый вечер мы все сидим в столовой с керосиновой лампочкой и читаем. Тётя Маша называет это «изба-читальня».

14 декабря. Сегодня день рождения матери Елены Петровны. Мы сделали ей подарок: вымолили у нашей хозяйки стакан молока и дали ей дополнительную колобашку черного хлеба... А Екатерина Михайловна Леонович - главный врач Дмитровской больницы - прислала по две маленькие, кругленькие конфетки.

21 декабря... Сегодня достали газету "Правда" от 13,14,15и16 декабря. В газете от 13-го была подробная статья о боях в Яхроме и Перемилове - в 3-х километрах от нас. Наши в Москве и Омске (Вахтанговцы)⁵, читая, наверно похоронили нас под обломками... Дмитров начал оживать...

24 декабря. Ещё 22-го мать Елена Петровна с тётёй Катей и дядей Всеволодом уехали в Москву... Ехали полдороги на одной машине (голосовали), полдороги на другой... Все мосты, даже маленькие, взорваны. Через канал они ехали по льду, причем вода была спущена, поэтому берега сделались очень крутые

1 января 1942 г. Вчера для встречи Нового года мать Елена Петровна достала две кружки молока, и, не дожидаясь 12-ти часов ели ржаную кашу с молоком.

6 января. Сегодня Рождественский сочельник. Тётя Катя и тётя Маша со всеми маленькими детьми ходили ко всенощной в Подлипичье. Завтра для всех малышей устраивается ёлка.

13 января. С хлебом опять стало плохо. С раннего утра до позднего вечера стоим в очереди. Приходится сменяться каждый час из-за сильного мороза.

Можно ходить греться в аптеку, но оттуда время от времени выгоняют весь народ, скопившийся там с той же целью.

Вот уже три с половиной месяца от отца Владимира Михайловича не было никаких известий. Вдруг вчера с оказией пришло письмо от человека, с которым отец вместе сидел и которого освободили за прекращением дела. Пишет, что их вместе с другими отправили из Москвы в Казань спустя семь дней после ареста отца. Ехали они 11 дней. Путь, как пишет этот человек, был настолько тяжелым, что он не решается описывать.

⁵ Шереметев Н.П. (брат Е.П. Голицыной) и его жена Ц. Л. Мансурова эвакуировались с театром им. Вахтангова в г. Омск.

Мать Елена Петровна достала пропуск из НКВД, без которого сейчас не пускают, и поехала в Москву. Может что разузнает.

17 января... Она ездила в Косино - под Люберцами - к тому человеку, который прислал письмо об отце...».

Теперь, когда смотришь на события тех дней, вдруг осознаёшь, что ведь в Дмитрове никто и ничто серьёзно не пострадало кроме школы и конторы военных: ни соборы, ни храмы, ни улицы, ни дома, ни жители — коренные дмитровчане, наши друзья, родные и близкие.⁶

В конце лета 1942 года уехала из Дмитрова в Новогиреево семья Марии Михайловны и Всеволода Степановича Веселовских, навсегда заменивших всем нам отцов, а с ними наши Ангелы Хранители - бабушка Анна Сергеевна и дедушка Михаил Владимирович Голицыны. А дальше... Дальше - письма - тоже документы.

Анастасия Акимовна Дугина

Анастасия Акимовна Дугина 1925 года рождения, уроженка г. Дмитрова. Проживала на Московской улице, 4. Она была свидетелем бомбежки вокзала и чудом уцелела. Много лет проработала медработником в медицинских учреждениях города. О ней почти ничего не известно. На одном снимке, где запечатлены сотрудники Дмитровской городской больницы на экскурсии в Киеве, она стоит в группе – маленькая, худая женщина.

Анастасии Акимовне в 1941 году было 15-16 лет, Война заставила, как и многих подростков, пойти на работу, рыть окопы, обучаться в сандружине. Она хорошо передала атмосферу, в которой жил город: воздушные тревоги, эвакуация предприятий, опустевший город, мародерство.

На всю жизнь ей запомнился эпизод с бомбежкой вокзала (11 ноября 1941 г.), в которой она сама чуть не погибла, тогда было убито много людей.

Небольшие по объему воспоминания, но и они являются документом того времени.

Дугина А.А. 2-й ряд стоит 5-я справа

Дугина А.А.

Жизнь в городе в начале войны

Война застала меня в Туристе, где я отдыхала в пионерлагере. Нам объявили, что началась война, и к кому приехали родители, можете ехать с ними домой. Детей старшего отряда разбили на группы по 2 человека, которые дежурили на территории пионерского лагеря.

После отдыха учащиеся Красной школы, где я училась, работали во Внуковском колхозе на уборке урожая зерновых. Каждый вечер со страхом возвращались в город, т. к. в это время всегда объявляли воздушную тревогу, а в воздухе пролетали на Москву немецкие самолеты.

⁶ Сильных разрушений в городе было не так много, но среди жителей были большие жертвы во время налетов 5, 11, 20 ноября, 5 декабря 1941 года.

В городе было тревожно: по вечерам и ночам жители дежурили около своих домов, следили за светомаскировкой, с нагрузкой работали предприятия. С трудом (малолетки) меня с подругой приняли на трикотажную фабрику, где мы вступили в фабричную сандружину. Работали вдоль канала в сторону Яхромы и Каналстроя, рыли окопы, в клубе трикотажной фабрики (бывшей Спасской церкви, потом - строительный техникум) обучались в сандружине. Все дружины города собирались в здании суда (ул. Профессиональная), где проводили практические занятия по оказанию помощи раненым, готовили к открытию госпиталя (в помещении туберкулезного диспансера).

В октябре неожиданно и срочно началась эвакуация предприятий города. Город опустел, кто был в эвакуации, очень много жителей разбежалось по деревням и селам. Не было никого в райисполкоме. Оставшиеся жители в бегах решали проблемы с продовольствием, тащили, все, что осталось от эвакуации домой.

В школе рабочей молодежи (на территории Кремля) отоваривали зерном хлебные карточки, а затем ехали на мельницу (р. Березовец, около экскаваторного завода).

В городе не работало радио, не было газет, света, местами воды. Только за каналом виделось зарево.

Помню ясный солнечный день. Соседские мальчишки влезли на дерево и с высоты наблюдали за округой – Московской площадью, Почтовой улицей и, увидев в небе самолет, закричали: «Наш самолет листовки бросает». Но это началась бомбежка в городе. Бомбу бросили на вал, но она не взорвалась (уточнили в местной противопожарной обороне), бомбили вокзал, Почтовую улицу, рощу.

Я в это время шла на вокзал и у переулка увидела в небе навстречу мне на бреющем полете летел немецкий самолет и расстреливал всех на земле. Я упала, сильно ушибла ногу, думая, что ранена, но чудом осталась невредимой. В это время бомбили вокзал и воздушной волной меня сшибло, а пуля прошла рикошетом вдоль тела, не задев меня.

Скорая помощь (на лошади) собирала раненых и убитых. Около кузницы (угол ул. Московской) лежал труп женщины, на Почтовой улице (угол к/т «Планета») была убита моя подруга Разуваева Вера с маленьким мальчиком Хрустальевым, а ребята, упавшие с дерева, отделались ушибом.

В моем доме (ул. Московская, 4) все окна и двери были раскрыты настежь, стекла выбиты. Осколки прошли через стену в коридор, не затронув лежащую больную маму. Не пострадал нижний полуподвальный этаж дома. На временное жилье мы перебрались на территорию типографии, где была вырыта длинная яма – убежище. С одной стороны вход был закрыт рулонами бумаги, а с другой обитали мы – 5 человек. В наш дом в подвал на несколько дней поселились военные. Мы ходили топить им русскую печь, варили пшеничную кашу и готовили чай.

Вскоре взорвали Белую школу, где находился штаб Красной Армии. Мы увидели разрушенный правый угол, одни развалины, трупы были уже собраны, только на ступеньках Успенского собора лежала окровавленная оторванная женская рука и рядом сумка.

В декабре я по семейным обстоятельствам отправилась окольными путями на попутных машинах до контрольного пункта, где пешком, в Москву. У шпилевского переезда на самой высоте увидела подбитый немецкий танк, немцев уже отогнали. На обратном пути машины долго стояли у яхромской переправы. Вода в канале была спущена, заморожена и трудно было перебраться.

В декабре-январе с подругой обратилась в РВК с просьбой послать нас в сандружину какой-нибудь воинской части. Нам ответили, что работы много в городе. Будем его восстанавливать. Поступайте в ремесленное. Так началось наше учение и работа в ФЗО №1.

Леонид Федорович Григорьев (1932-2015)

Родился в 1932 году в г. Смоленске в семье учителя. С 1935 по 1937 год семья проживала в д. Очаково Московской области. Отец Федор Афанасьевич – директор школы, мать – Капитолина Михайловна работала в издательстве «Детгиз». В 1937 году арестовали отца. Семья вынуждена была переехать в г. Дмитров. Об этом драматическом эпизоде в жизни семьи сам автор подробно описал в воспоминаниях.

В 1947 году Леонид Федорович окончил школу №6. Поступил в железнодорожный техникум в Москве. После окончания получил распределение на станцию Верхняя Баскунчак в Казахстане. Отработав там два года, он вернулся в Дмитров. Работал в УППВОС, ДЗФС. В 1956 году поступил в Московский энергетический институт. В 1965 году работал инженером на ДЗФС, с 1966 года – в Учебно-экспериментальном центре МВТУ им. Баумана в пос. Орево. Кандидат технических наук.

Леонида Федоровича я знала с юношеских лет. В 1969 году он с женой Кларой Васильевной и маленьким сыном Димой получил квартиру в новом 9-этажном доме на Московской улице. Мы с Григорьевыми стали соседями по лестничной площадке. По сути, вся жизнь этой семьи прошла на моих глазах. Я - свидетель последних лет жизни Леонида Федоровича, когда он, похоронив сына и жену, горевал в одиночестве. У него осталась внучка Настя, и для неё Леонид Федорович оформил большой альбом с семейными фотографиями и написал воспоминания. Когда я узнала об этом, то, признаюсь, заинтересовалась подробностями его жизни в 1930-40-е годы. Не сразу Леонид Федорович согласился передать отрывок рукописи, но все же я убедила его в ценности воспоминаний. И, перечитывая их сегодня, радуешься, что прошлое его личной жизни не кануло в лету. Сколько в воспоминаниях мельчайших подробностей давно ушедшей жизни, сохранившихся в цепкой памяти ребёнка.

Воспоминания написаны живо, ярко с замечаниями и выводами человека, много познавшего и пережившего. Леонид Федорович дает оценку тому времени, на которое пришлось его детство: «Мы (дети) воспринимали происходящее де-факто, были вполне счастливыми и не замечали (вернее, не ведали) забот и тревог, выпавших на долю родителей в то страшное время».

Леонид Федорович Григорьев

Из воспоминаний о довоенном и военном детстве в Дмитрове

Леня Григорьев. 5 лет.

... В сентябре 1937 года нас посетило настоящее горе – по ложному доносу был арестован отец.⁷ Начался террор, развязанный правителями против собственного народа и, в первую очередь, против его мыслящего, интеллигентного слоя. Это время получило название «ежовщины» в «честь» наркома внутренних дел Ежова, который позднее сам был расстрелян.

Я проснулся ночью. По комнате двигались люди в «нквдшной» форме и рылись в вещах и книгах. Обыск. Отец стоял у двери с заложенными за спину руками. Рядом часовой. Мама и баба Варя замерли в противоположных углах комнаты. Потом отца, толкнув в сторону двери на улицу, увели. Мы остались одни. Бедная моя мама! Ей было только 32 года. Проститься с отцом ей не позволили. На нее обрушилась ответственность за мою судьбу и, кроме того, она была

на шестом месяце беременности моей будущей сестрой.

⁷ Отец – Федор Афанасьевич Григорьев работал директором школы в колхозе Очаково.

Утром выяснилось, что аресты прошли по всему Очаково.⁸ Явился человек из правления колхоза и заявил, что мы как семья «врага народа» подлежим немедленному выселению из дома.

Мамины сестры Мария, Вера со своими мужьями, Анна, братья Сергей, Евгений, бабушка Евдокия Николаевна жили в это время в г. Дмитрове, где находилось Управление строительством канала Москва-Волга. Маме удалось связаться с ними, за нами Сергей прислал грузовик-пятитонку, с обширным кузовом и открытой кабиной без дверей, без лобового стекла, только выгнутая крыша над головой – последний «шедевр» автозавода «ЗИС», как одно из реальных подтверждений создания и развития отечественной индустрии. Дорога в Дмитров почти на всем протяжении была грунтовой. Мама вспоминает о том, как на каждом ухабе я испуганно спрашивал: «Мама, а ты сейчас не родишь?».

В древнем городе Дмитрове (первое упоминание в летописи – 1154 г.) в то время было сосредоточено управление строительством канала Москва-Волга. Здесь находились (и проживали) высокие чины администрации наркомата внутренних дел (НКВД), проектные организации, ремонтные мастерские, склады материально-технического снабжения.

Трасса канала прошла через город, как диктовал рельеф Клинско-Дмитровской гряды. Западная часть – Заречье сохранила купеческо-мещанский облик улиц 19-го века. В восточной части, за Борисоглебским монастырем был построен «образцовый» социалистический городок для инженерно-технических работников. Строгая прямоугольная планировка улиц с равными интервалами между однотипными деревянными (в большинстве из бруса) двухэтажными и двухподъездными домами, так называемого, квартирного проекта. Без водопровода, без канализации, с печным отоплением. Каждый дом был рассчитан на 16 семей (по 8 двухкомнатных квартир в подъезде). Воду (кстати, очень чистую, питьевую без кипячения) носили ведрами за 20-100 метров из уличных колонок или бочек у водовозов по утрам прямо у дома. Вдоль улиц были построены общественные туалеты с мусорными ящиками и выгребными ямами из расчета примерно один туалет на три дома.

Улицы носили характерные названия: Большевицкая, Пионерская, Комсомольская, Чекистская, Инженерная, Шлюзовая. На улицах персоналом из числа заключенных поддерживалась образцовая чистота. Между домами были разбиты цветники и проложены ухоженные дорожки. Все это резко контрастировалось со старым Дмитровом, застроенным одноэтажными домами – избами, как в большой деревне.

Дом на ул. Минина, бывшей Валовой, где жили Григорьевы. Фото 1960-х гг. Дом не сохранился.

Наша родня жила в единственном в городке нетиповом доме гостиничного (вернее барачного) проекта. Внешне это был, как все остальные, прямоугольный параллелепипед с двумя подъездами, но внутри входные двери подъездов на первом и втором этажах соединяли длинные коридоры. В коридоры выходили слева и справа коридоры комнат. Каждая комната предназначалась для одной семьи. В конце коридора находилась общая на этаж кухня с печной плитой на несколько ул.Минина-Валоваяконфорок. Вдоль стен кухни стояли вплотную друг к другу кухонные столы жильцов с посудой, керосинками и примусами. На кухне готовили еду, по возможности ели и стирали белье (вручную, конечно, в корыте). Нужно отметить, что взаимоотношения

⁸ Колхоз и рабочий поселок у ст. Очаково Киевского направления. В 1960 г. включен в черту г. Москвы.

между людьми были весьма добрыми. Случаев каких-либо ссор и громких скандалов я не помню.

Родственники жили на втором этаже, занимая 4 комнаты. Эти красивые люди, приняв нас на свою жилплощадь и полное иждивение (ведь мама ждала скорые роды), проявили не только свое благородство и высокую нравственность, но и мужество, поскольку пришлось хлопотать в органах НКВД о разрешении на проживание в Дмитрове «семье врага народа». Такое заступничество в то время могло обернуться дорогой ценой.

После нашего приезда образовались следующие семейные ячейки. Дядя Женя ушел на частную квартиру, освободив для мамы со мной место в комнате у тети Ани. Жене было 19 лет. Он работал шофером легковой автомашины в горисполкоме и ждал призыва в армию. В другой комнате проживали дядя Сережа со своей одиннадцатилетней дочерью Аллой и бабушка Евдокия Николаевна. Бабу Варю приютила тетя Вера со своим мужем Леонидом Владимировичем. Они совсем недавно поженились. Последнюю ячейку составила семья Петровых: Мария Михайловна, Георгий Николаевич, Кирилл (12 лет), Катя (7 лет).

Решилась судьба отца. Он находился в тюрьме «Матросская тишина». Мама в сопровождении Кирилла ездила к нему на свидания «через решетку». Оказалось, что донос на него «состряпала» одна из учительниц очаковской школы. Еврейка. Весомых аргументов враждебной, антисоветской деятельности отца (кроме иронических реплик в адрес Сталина) следствие не обнаружило, и с учетом «красной биографии» он был осужден на свободное поселение в Павлодарскую область Восточного Казахстана под надзор милиции без права возвращения в центральные области России.

12 декабря 1937 г. мама родила в дмитровском роддоме дочь Галину.

Я запомнил встречу Нового 1938 года. Елка под потолок, которая казалась мне сказочно красивой, была установлена в комнате у дяди Сережи. Все жильцы 2-го и даже 1-го этажей приходили любоваться елкой через открытую дверь. Аллочка в белом платье Снегурочки с пришитыми на длинных нитках ватными шариками успешно выступала в «театре одного актера», перевоплощаясь без пауз из танцовщицы в певицу, затем в чтеца - декламатора, затем в танцовщицу и т.д. Зрители из «местных» в проеме двери охотно и искренне аплодировали, а я и Катя пытались незаметно очистить нижние ветви елки от конфет и мандаринов. Большинство елочных украшений были бумажными самоделками (флажки, цепочки, домики). Число конфет, яблок и мандарин на елке строго соответствовало числу взрослых и юных потребителей, поэтому бабушка Дуня присекла наш с Катей «криминал» полотенцем. Так скромно, мягко говоря, жили все вокруг. Мы (дети) воспринимали происходящее де-факто, были вполне счастливыми и не замечали (вернее, не ведали) забот и тревог, выпавших на долю родителей в то страшное время.

Районная комсомольская конференция. 1937 г.
Административное здание напротив Борисоглебского монастыря.
Не сохранилось. Фото из архива Л.Ф. Григорьева.

Каждый день рано утром и вечером после захода солнца по нашей улице конвой проводил колонну заключенных по маршруту «трасса канала – лагерь карьер – Табор» на восточной окраине Дмитрова. Заключенные шли с опущенными головами, безликой серой массой. Их из-за дня в день ждал каторжный труд – вывозить за «пайку» лагерной еды ручными тяжелыми тачками землю из котловины на крутой до пяти метров высоты берег. Подавляющее большинство этих людей, если не считать уголовников, было совершенно невиновными ни в чем. Но я по-детски воспринимал их чужими и опасными. Впечатляюще выглядела панорама строительства канала из окна поезда с высоты железнодорожного моста между станциями Турист и Яхрома. Картина ассоциировалась с гигантским муравейником, обитателями которого были люди-тачки в паутине дощатых дорожек-настилов. По периметру трассы располагались вышки с часовыми и наземная вооруженная охрана с собаками. Единственной психологической поддержкой заключенных, очевидно, оставалась надежда выжить.

Я вспоминаю одного из них - то ли Мишу, то ли Колю-уборщика уличных туалетов. Каждый день он объезжал на лошади с бочкой для выгребной ямы и прежде чем начать вычерпывать нечистоты, в очередной раз выполнял с черпаком и метлой в руках гимнастические упражнения утренней зарядки «по Мюллеру». Поглазеть и потешиться собиралась толпа мальчишек и зевак-прохожих. Его принимали, как слабоумного, но теперь мне кажется, что он настолько мог симулировать, предпочитая миссию «золотаря» гибели на трассе от непосильного труда.

Степень мерзости окружающей обстановки я в свои 5,5 лет, конечно, не осознавал. Содержание моей мальчишеской жизни, как ни парадоксально, казалось насыщенным и очень интересным.

К улицам нашего городка вплотную примыкал лес, преобразованный в парк отдыха. Там были проложены аллеи, устроены цветники, киоски с мороженым, площадки для детских игр, аттракционы (типа «гигантских шагов» и др.). Построены парашютная вышка, летний ресторан, открытый «зеленый» театр, где гастролировали Вадим Козин, Клавдия Шульженко, Русланова. В парке функционировал летний школьный лагерь под шефством комсомола и пионерии. Я записался в отряд октябрят-дошкольников, и каждое утро бежал на большую поляну парка для построения в каре на подъем флага. На правом фланге строился отряд пионеров-старшеклассников, замыкали строй мы – октябрюта. После команды «смирно» надлежало стоять неподвижно, не обращая внимания на укусы комаров, пока старший пионервожатый принимал отрядные рапорты. Затем под барабанную дробь и горн происходили подъем флага на мачте, знакомство с расписанием очередного игрового дня, инструктаж вожатого «боевой» задачи и, наконец, беготня по парку, приседание за кусты и неожиданная встреча с узнаваемым, босоногим «противником», имитация звуков всех видов выстрелов и взрывов гранат и яростные споры по поводу «кто первым был обнаружен? «Кто совсем убит?», «Кто ранен, но способен еще вести прицельный огонь?». Обсуждать возможность взятия в плен вожатые не рекомендовали, поскольку вероятность драки, в этом случае, становилось стопроцентной.

Мама поощряла эти занятия. Я был организован «в духе времени». Мама выкроила и пришила мне на рубашку красную октябрятскую звездочку. Лучше, чем у других, как мне казалось.

Закрытие лагеря со сменой контингента в середине лета ознаменовалось традиционно вечерним костром и выступлением детской самодеятельности. Я запомнил на фоне очень жаркого костра песню «В далекий край товарищ улетает» из популярного кинофильма «Истребители» в исполнении трех хулиганов из старшего отряда. Один из них, очень стесняясь, стоял, отвернув голову от зрителей в сторону огня, и скорее шептал слова, нежели голосил.

Однако игры в войну на этом не обрывались. Действие теперь переносилось из парка на улицы городка, где все мужское население до 12-14 лет, способное носить оружие от

ширпотребовских магазинных пистолетиков и пистонных двустволок до уникальных макетов в масштабе боевого стрелкового оружия, самообразовывало нечто «запорожского войска». Присутствовали даже добровольцы из числа девочек с повязками «красного креста» и с сумками, набитыми бинтами и ватой. «Командармом» единогласно признавался мальчик возрастом постарше ввиду его прекрасной экипированности. На шее у него висел бинокль, на ремне кобура и, наконец, главный аргумент – макет станкового пулемета с трещоткой. После коротких совещаний у «командарма» начинались волнительная беготня по улицам, лазанье по пожарным лестницам на крыши домов для обзора местности, атаки с криком «ура!» на воображаемого противника.

Весь этот «милитаризм» питался предвоенной атмосферой в стране и повсеместным предчувствием начала большой войны.

Еще одним увлечением был футбол. С одинаковым увлечением мы «болели за наших» на стадионе и сами гоняли мяч на площадке, где ворота обозначали два кирпича, и где действовало правило «три корнера - пендаль»⁹.

В небе над стадионом часто появлялись и плавно маневрировали огромные дирижабли. Они прилетали из г. Долгопрудного (в 50 км. от Дмитрова), где они строились и базировались. В ту «эпоху дирижаблестроения» эти аппараты легче воздуха совершали даже регулярные пассажирские полеты из Европы в США через Атлантический океан до известной катастрофы «Гинденбурга» при стыковке с причальной мачтой в Нью-йоркском аэропорту. После этого случая строительство дирижаблей повсеместно прекратилось. Вообще технический прогресс того времени впечатлял и будил творчество народных масс.

В нашем доме жил замечательный плотник Василий Иванович Пуженков, приехавший с семьей на строительство канала из г. Кимры (на Волге). Василий Иванович прочитал где-то про устройство громоотвода и решил оборудовать таким «новшеством» и наш дом. От установленного им же на крыше металлического шеста он провел провод (без заземления), почему-то в свою комнату на первом этаже. Заземлить не успел или не придумал этой «мелочи» значения. Первая же молния случившейся грозы нашло новое устройство безопасности. Оглушительный гром потряс дом. Перепуганные жильцы из всех комнат выбежали в коридоры, а я с криком «меня убило» и, зажав уши ладонями, выбежал на улицу. Прошел слух о том, что разряд произошел в комнате Василия Ивановича. Вместе с другими я тоже осторожно заглянул туда. Еще не придя в себя и не обретя дара речи, но живой, Василий Иванович сидел в почерневшем углу за обеденным столом с ликом Иосифа Волоцкого после сотворения чуда.

В 1937 г. было объявлено об окончании строительства канала Москва-Волга, однако первая пассажирская навигация была открыта 1 мая 1938 г. парадом флотилии новеньких теплоходов с именами вождей: «Иосиф Сталин», «Клим Ворошилов», «Вячеслав Молотов», «Михаил Калинин»¹⁰. Предприимчивый дядя Сережа сумел достать для всей почти родни билеты на первый рейс «Михаила Калинина» от Дмитрова до пристани Хлебниково в каютах 2-го класса. Мы, конечно, проникали и на верхние палубы и оттуда наблюдали народное ликование, флаги, оркестры на пристанях, шлюзах и просто на берегах. Снимок теплохода из газеты в этот замечательный день сохранился в моем архиве.

Водная среда не только радовала, но и таила опасность. В черте городского парка находился пруд с лодками, с помостом для прыжков в воду. Кирилл очень любил нырять и часто брал меня на пруд. Я плавать не умел и сидел в воде на отмели по контуру ямы для прыжков и однажды соскользнул в глубину. На этот раз меня спас Кирилл. Он все видел с помоста. Мгновенно прыгнул, поднырнул под меня и вытащил на отмель. Происшествие, конечно, скрыли от мамы.

⁹ Правило у мальчишек, если три раза мяч выбивали за линию ворот, то назначали пенальти.

¹⁰ В Дмитров флотилия прибыла 1 мая 1937 г. В тот день была торжественная встреча и митинг.

В связи с окончанием строительства канала специалисты стали уезжать из Дмитрова. Петровы вернулись в Москву на улицу Горького, Леонид Владимирович со своей женой тетей Верой уехал по направлению в г. Куйбышев (ныне Самара) на новую гидростройку. Дядя Сережа сумел получить ордер на освободившуюся в соседнем доме 3-х комнатную квартиру с соседями на общей кухне. Туда же он прописал маму, меня, Галю, тетю Аню с её новорожденным сыном Сашей и бабу Варю. Вскоре дядя Сережа с дочерью Аллой уехал в Москву к своей женщине (гражданской жене). Таким образом, мы существенно улучшили свои жилищные условия, как оказалось, на длительный срок.

Мама совершила поездку к отцу в Казахстан, куда он усиленно её звал жить. По дороге меня и Галю мама оставила в г. Куйбышеве у тети Веры. Там в городе гидростроителей на излучине Волги в уцелевших ещё Жигулевских горах мы прожили у Веры месяц до возвращения мамы. У меня в памяти сохранился прекрасный вид на Волгу с балкона второго этажа и еще вид огромных камышовых котлов, которые иногда выскакивали к дому из зарослей на склоне к реке. Мы вернулись в Дмитров. После знакомства с условиями жизни отца в Павлодарской области мама решительно предпочла Подмоскovie для воспитания и образования детей.

Из других событий того времени запомнились приезд в Дмитров на побывку дяди Жени в морской форме с надписью на ленточке бескозырки «тихоокеанский флот» и рассказы тети Клары (подруги тети Ани) о полетах на учебных «У-2» в Дмитровском аэроклубе. Кстати, пятерым выпускникам клуба впоследствии, во время войны, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пришло время (1940 г.) поступать в школу. Меня приняли в начальную 4-х классную школу на нашей улице около стадиона «Динамо». В первый же день я влюбился в учительницу Ксению Васильевну, для которой учебный год тоже был первым после педучилища. Со мной за партой оказалась довольно «заторможенная», нескоро отвечающая на вопросы Рита Лесик, дочка молочницы с нашей улицы. В тайне я предпочел бы соседство другой Риты Петровой с предпоследней парты. Симпатию к последней я сохранил до седьмого класса. Учиться мне было легко. Читать умел давно. Простейшая арифметика решалась в уме. Уроки же рисования я просто обожал.

В это время в Дмитрове нелегально появился отец. Помню однажды, он помог мне одеть в школу военную форму с гимнастеркой с петлицами лейтенанта-танкиста. Это была моя прихоть. Папа же понимал, что в школе подобную «демонстрацию моды» не поймут. И действительно, в классе первой в мой адрес пренебрежительно фыркнула Рита Лесик, а на перемене в «лоб» ученик из второго класса пытался отодрать кубики на петлицах. Потасовку с ним прервал звонок на урок. С отцом связаны воспоминания о струнных концертах на крыльце нашего дома солнечными сентябрьскими днями по воскресеньям, когда из Москвы приезжали Петровы и дядя Сережа с Аллочкой. К трио из двух гитар (дядя Сережа и дядя Жорж) и мандолины (виртуоз-исполнитель - мой отец), нахально присоединился с балалайкой мой приятель Сашка Пуженков со строгим предупреждением от Жоржа держать паузы чаще и соблюдать ритм. Репертуар составляли русские народные мелодии «Светит месяц...», «Ах, вы сени мои сени...» и др., романсы, немного классики Шуберта. Открывались окна дома, останавливались отдельные прохожие, до завершения концерта сбегалась к подъезду ребятня.

22 июня 1941 года по радио объявили о начале войны. У нас, как обычно, гостили москвичи, и бабушка Дуня послала меня в парк собирать шишки для самовара. Когда мы вернулись, все сидели молча по периметру большой комнаты около радиорепродуктора. Мама сказала: «Леня, война началась», но я только махнул рукой, мол, наши скоро победят, и помчался на футбол. На стадионе новость о войне не произвела среди моих приятелей ни малейшего впечатления. Все были увлечены игрой на поле. Но уже на следующий день футбольное поле было заставлено автомашинами всех предприятий Дмитрова, шла тотальная мобилизация автопарка вместе с шоферами на нужды фронта. Мобилизационные повестки получали все мужчины, в том числе и отец, как он сообщил

об этом в письме. К этому времени он перебрался поближе в г. Вытегру (на Онежском озере) Вологодской области, где работал бухгалтером в одной из организаций по реконструкции канала Волга-Балт. Отец попал в саперы, а мы, как уже семья военнослужащего действующей армии, получили некоторые льготы. В частности, я и четырехлетняя Галочка – абонемент в детскую городскую столовую.

Типовой обед состоял из супа (разведенного в воде яичного порошка), гороховой каши, стакана киселя из концентрата и кусочка черного хлеба. К открытию столовой собиралась внушительная толпа шпаны, которая после открытия дверей с гиком и свистом врывается в помещение, скакала по лавкам, толкалась у раздаточного окна. Всё это повторялось каждый день. Чтобы Галю не «затоптали», я ждал, когда ажиотаж спадет, а затем видел Галочку напротив себя за столом, покорно глотающую «суп» и с видимым удовольствием откусывающей черный хлеб. Тем не менее, столовая служила подспорьем маме, как и другим женщинам тыла в решении «продовольственной проблемы». Однажды в столовую пришла бабушка за обедом для больной девочки, но с собой она имела лишь одну емкость, куда и сложила гороховую кашу и залила её киселем. Наверняка, это месиво было дома съедено без остатка. Для меня и моих сверстников-подростков еще одной кормовой базой служила свалка возле солдатской столовой. Туда выбрасывали пустые консервные банки из под американской свиной тушенки по ленд-лизу. Нам удавалось извлечь со стенок банок миллиграммовые остатки волоконцев мяса, и ничего вкуснее этого мы в то время не знали.

В начале войны события развивались быстро. Первыми симптомами приближения немцев стали перегоны через Дмитров бесконечного стада рогатого скота из оккупируемых западных областей. Мычание, наверное, недоенные животные и сопровождающие их запыленные, усталые люди воспринимались даже нами (подростками, почти детьми) реальным отражением всенародного горя.

Потом в небе стали появляться самолеты с крестами на крыльях, курсом на Москву. Можно было наблюдать воздушные бои. Двухмоторный «Юнкерс» не меняя направления, проходит над нашим домом на юго-восток, а его атакует под разными углами из пулемета наш «ястребок». Немец тяжело «бухает» из пушки. Не прекращая дуэли, оба самолета тают в небе. Развязку мы так и не узнали. Кто был этот герой, так настойчиво и самоотверженно пытавшийся прикрыть собой Москву? Осталось для нас тайной. В другой раз, по тому же курсу пролетало пять бомбардировщиков с черно-желтыми крестами. Вблизи от них возникали разрывы от бивших откуда-то наших зениток. Но они летели нагло и самоуверенно, не нарушая строй. От одного из самолетов вдруг отделились в сторону быстро исчезающие черные точки, и тут же наш дом вздрогнул от тяжких взрывов, а в районе вокзала возникло облако пыли. Немцы сбросили бомбы на железную дорогу, но промахнулись. Были разрушены гаражи в Привокзальном переулке.

К этому времени в Дмитров съехались все наши москвичи, считая, что здесь находиться безопаснее, чем в столице. Прямо во дворе дома жильцы под руководством В.И. Пуженкова соорудили легкое бомбоубежище – щель в земле, глубиной в рост человека, накрытое в один накат нетолстыми бревнами и засыпанное сверху землей на полметра. Такое убежище могло защищать от осколков. Когда объявляли воздушную тревогу и начинали выть сирены, мы спускались туда, но я выглядывал наружу, наблюдая небо. Кирилл для лучшего обзора залезал по пожарной лестнице на крышу дома, вопреки запретам тети Мани. Ему едва исполнилось шестнадцать, и жить ему на этом свете оставалось только два года. Но кто мог такое представить себе тогда?

Ещё до подхода немцев к Дмитрову москвичи (Петровы, Аллочка и бабушка Дуня) вернулись в Москву и оттуда эвакуировались на Урал. Эвакуировались на восток многие жильцы нашего дома. Остались в прифронтовом Дмитрове Пуженковы и мы (мама, тетя Аня, баба Варя, я, Галочка и трехлетний Сашка).

Во второй половине ноября 1941 г. фронт оказался на западном берегу канала. На Волдынской возвышенности по всему горизонту поднимались вверх пульсирующие зарева от пылающих деревьев. Наши войска сжигали их при отступлении, чтобы лишить немцев крова накануне холодов.

Буквально в двухстах метрах от нашего дома на территории воинской части в роще находилось надежное, хотя и засыпного типа, бомбоубежище, сооруженное красноармейцами для командного пункта. Военные разрешили пользоваться убежищем гражданскому населению, и мы с жителями соседних домов фактически переселились туда с постельным бельем и некоторым запасом еды. В нашем распоряжении были двухъярусные нары, керосиновые коптилки для освещения, бак с питьевой водой, «удобства во дворе». Иногда мама уходила домой приготовить и принести горячей еды. Недалеко от убежища среди деревьев стояла радиостанция на автомашине и рядом часовой, других военнослужащих видно не было. Тем не менее, не однажды солдаты приносили и ставили у входа мешок с черными сухарями и даже немного сахара детям. Кто-то из командиров деятельно поддерживал в силу сердечной доброты и патриотизма бедствующих мирных женщин и детей.

Дважды Дмитров содрогнулся от мощных взрывов, заглушивших ночную артиллерийскую канонаду фронта. Первый был связан с обрушением нашими саперами Рогачевского моста через канал на случай прорыва немцев к Дмитрову. Рогачево они уже захватили. Второй взрыв был диверсионной попыткой уничтожить штаб 1-ой Ударной Армии в здании средней школы на территории Дмитровского Кремля. Там же размещался и полевой госпиталь, именно этот угол школы, где находились раненные, и был взорван.¹¹ Очевидно, по ночам в Дмитров проникали немецкие разведчики. Днем же в городе открыто хозяйничали мародёры, возможно, из числа дезертиров. Ни городская администрация, ни милиция себя никак не проявляли. Все номенклатурные чиновники перешли на нелегальное положение. Приказ оставаться в подполье с приходом немцев получила и тётя Аня как инструктор горкома комсомола. Мама решила уходить куда-нибудь в тыл на восток с последними нашими воинскими частями. Как она себе это представляла с «обузой» из трёх детей (включая Сашу, трехлетнего сына Ани) и бабу Варю? Не знаю. В соседней Яхроме уже шли уличные бои. Но случилось чудо.

В одну из первых декабрьских ночей (примерно, с 4-го на 5-е декабря) в убежище скатился красноармеец и срывающимся от волнения голосом объявил гражданам о разгроме немцев под Москвой и начале наступления нашей армии. Все, хватая вещи, «ломанулись» наружу, по домам. Начиная с этого часа, мы обитали и ночевали дома, хотя фронт отодвинулся от Дмитрова не более, чем километров на двадцать. Но у всех появилась непоколебимая уверенность в окончательной победе. Уже на следующий день Дмитров заполнили бойцы прибывших на фронт сибирских полков. Они были хорошо экипированы в белые, овчинные полушубки и валенки, но рацион питания был явно недостаточным. Котелок супа на троих, тут же у полевой кухни, поочередно вычерпывался ложками. Я запомнил, как один из такой тройки долго выскребал остатки еды со стенок пустого котелка. И еще запомнил, как мучились солдаты, пытаясь приучить прибывших в эшелоне лаек и необъезженных низкорослых монгольских лошадок таскать в упряжи санки с пулемётами.

Обстановка вскоре стабилизировалась. Фронт находился километрах в трехстах за г. Калининым (ныне Тверь), и Дмитров надолго зажил тыловым бытом. В отдельных школах началась учеба. В целях экономии топлива нас с нашими учителями перевели в красную школу (бывшую мужскую гимназию) недалеко от вокзала. Здесь мы «перемещенные ученики» столкнулись с настоящим террором со стороны местной шпаны. После занятий

¹¹ По документу, размещенному в Интернете, взрыв произошел по причине преступной халатности командира спецвзвода лейтенанта Батурина при минировании здания школы на случай сдачи Дмитрова немцам. Погибло более 100 солдат. См. книгу: Карасев В.С., Рыбаков С.С. Дмитровский рубеж. Начало боевого пути 1-й ударной армии. Ноябрь-декабрь 1941 г. – Дмитров, 2018. – С.302.

на выходе из школы они обыскивали нас (мальчиков) и отнимали все, что им ни приглянулось бы. Главной добычей были кусочки черного хлеба, которые раздавали в классах по большим переменам. Такой кусочек служил пропуском для свободного, без побоев выхода из школы. Мы, «неместные» были разобщены, и объединиться для коллективного отпора почему-то не смогли, да и были мы младше. Жизнь резко изменилась в лучшую сторону после перехода в пятый класс школы на Инженерной улице, недалеко от дома. Все ребята были из близлежащих улиц, знакомые, и запредельный бандитизм исчез из обихода. Мы даже играли в футбол на переменах во дворе, а зимой - в коридоре школы. Однажды, пытаясь догнать мяч, катившийся в наши ворота (торец коридора), я врезался в окно. Под звон рухнувших стекол коридор мгновенно опустел, и я последний юркнул в свой класс, на мгновение опередив появление директора. Проступок остался без последствий, т.к. на меня никто не «настучал».

За положением на фронтах я следил по газетам, отмечал на карте флажками перемещения наших войск на запад и информировал обо всем домашних и соседей. Летом 1943 г. был период, когда на утренней заре над Дмитровом с востока на запад проходили цепью с тяжелым гулом наши бомбардировщики, а к вечеру в поредевшем числе возвращались на восток, на свои тыловые аэродромы. Я отчетливо сознавал свое присутствие при подвиге, который совершали ежедневно неизвестные экипажи тех далеких самолетов. Горе от потери близких переживали почти в каждой семье. В октябре того же 1943 г. мама получила письмо от Кирилла Петрова о том, что эшелон проездом на фронт будет на путях Ярославского вокзала. Дата и время были указаны. Мама, собрав что могла из продуктов, отправилась на встречу. К великому огорчению, время стоянки экипажа в Москве сократилось, и мама опоздала. Через несколько дней мы получили сообщение от тети Мани, что Кирилл был убит на фронте 10 октября. Потом было последнее письмо от дяди Жени. Его, шофера командующего Тихоокеанским флотом, за допущенное дорожное нарушение с повреждением автомашины, отправили на фронт в составе штрафбата. Там он пропал безвестно. В 1944 г. маме пришлось пережить еще одно страшное несчастье. В письме отец сообщил о том, что за тяжкий дисциплинарный проступок, с учетом прежней судимости, он осужден вторично. «Вся моя вина состоит в желании увидеть тебя» – писал отец маме. Мы снова из разряда «семьи военнослужащего» попали в число «недотационных» граждан. Единственной защитой от ударов судьбы для мамы оставались слезы.

Редкие вести от отца стали приходить только после войны. С их содержанием мама не знакомила. О жизни отца с этого момента я практически ничего не знаю. Однажды, уже после рождения моего сына Димы в 1965 году он появился в нашем доме в Дмитрове. Встретился и говорил с мамой, повидал внука, но уклонился от встречи со мной (не стал ждать моего возвращения с работы). Жил он в г. Сафоново Смоленской обл., с третьей (можно сказать, не по своей вине) женой. Там он, очевидно, и похоронен.

Дмитров 1943-44 гг. был городком, где формировались и проходили боевую подготовку части ВДВ. Определенный процент контингента приходился на добровольцев из осужденных за уголовные преступления, поэтому с дисциплиной в подразделениях была «напряженка» в процессе обучения. По ночам на улицах возникали перестрелки между патрулями комендатуры и сбежавшими в самоволку из части. В третьей маленькой комнате у нас поочередно квартировали молодые офицеры, которые оплачивали постой частью своего продуктового пайка. От некоторых потом приходили письма с фронта. Помню лейтенанта Васю Вериха, который написал, что потерял руку во время штурма Выборга. Отправка очередного эшелона на фронт сопровождалась по традиции прощальным салютом из всех вагонов, из всех видов личного оружия

десантников с заметным, наверное, расходом боеприпаса и ракет.

День Победы и окончания войны был днем всенародного ликования и слез. Голос Левитана по радио передавал текст капитуляции Германии, женщины на улицах обнимали и целовали всех мужчин в военной форме, а в нашем доме в раскрытом окне первого этажа высокая с иконописным лицом Настасья Тимофеевна Пуженкова и ее соседка круглолицая Иваниха пели «Христос Воскресе».

Воспоминания - ненадежный источник по многим причинам, но в них рисуется живая картина тех лет, свидетелями которой были Е.В. Трубецкая, А.А. Дугина и Л.Ф. Григорьев. Три автора – три судьбы. Разные корни, воспитание, но есть общее: они - современники, очевидцы прошедшей эпохи - Голоса из прошлого.